

С. Е. Винокуров
**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГРАНИЛЬНОЙ ФАБРИКИ
 В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг. ***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-157-163

УДК 94(470.5)“1920” ББК 63.3(235.55)613

Статья посвящена исследованию камнерезного искусства региона в первые послереволюционные годы на примере рассмотрения деятельности Екатеринбургской гранильной фабрики. Повторяющаяся с 1950-х гг. из публикации в публикацию мысль о прерывании деятельности этого ключевого для дореволюционной России производства в первом десятилетии советской власти (или его переориентации исключительно на огранку самоцветов) при детальном изучении демонстрирует иную картину жизни фабрики в рассматриваемый период. Обращение к архивным документам, а также немногочисленным журнальным публикациям позволяет восстановить более полную картину камнерезной деятельности предприятия в первой половине 1920-х гг. Приводятся документальные сведения о деятельности фабрики, а также о редких созданных в это время произведениях. На основе выявленных архивных данных, в том числе инвентаризационных описей и протоколов, уточняется состояние производства на момент его передачи в ведение государственного треста «Русские самоцветы». Это изменение подчиненности Екатеринбургской гранильной фабрики рассматривается в статье в качестве ключевого события, позволившего сохраниться самой фабрике, а также избежать прерывания традиции художественной обработки цветного камня на Урале.

Ключевые слова: *камнерезное искусство, Екатеринбургская гранильная фабрика, трест «Русские самоцветы», Н. Д. Татауров, Г. В. Шалимов*

В истории камнерезного искусства Урала, привлекающей внимание исследователей с середины XX в., одной из существенных лакун по настоящее время остается положение Екатеринбургской гранильной фабрики (далее — ЕГФ) в первые послереволюционные годы. Этот решающий этап в истории производства до последнего времени практически не привлекал внимания исследователей. Однако очевидно, что именно в эти годы была определена возможность дальнейшего существования ведущего художественно-промышленного предприятия региона путем вхождения фабрики, несколько лет находившейся на грани закрытия, в состав государственного треста «Русские самоцветы».¹

¹ Государственный трест «Русские самоцветы» был создан в 1922 г. на базе Петергофской гранильной фабрики и национализированных ювелирных производств бывшего Санкт-Петербурга. Интересно, что название треста было заимствовано

Винокуров Сергей Евгеньевич — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет; с.н.с. отдела декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств (г. Екатеринбург)
 E-mail: serg.vinokuroff@gmail.com

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-78-00029, проект «Мастерская — артель — завод: особенности организации и развития камнерезного производства на Среднем Урале 1920–1980-х годов» (рук. С. Е. Винокуров)

На сегодняшний день не существует сколько-нибудь полного общего исследования истории камнерезного дела Урала в советское время. В первой монографической работе о камнерезном искусстве края, изданной в 1953 г. основателем кафедры истории искусств Уральского государственного университета Б. В. Павловским, советскому периоду работы ЕГФ посвящено несколько страниц. Интересующие нас первые послереволюционные годы здесь описываются лишь одним абзацем, констатирующим слабое развитие камнерезного искусства на Урале в это время.²

Единственной работой, обращающейся к истории ЕГФ, а впоследствии свердловского завода «Русские самоцветы» в 1920–1960-е гг., является монография И. М. Шакинко и В. Б. Семенова,³ подготовленная авторами по заказу

у дореволюционного Общества для содействия развитию и улучшению кустарного гранильного и шлифовального промысла «Русские самоцветы». Среди соучредителей Общества, созданного указом императора Николая II в 1912 г., был камнерез и живописец, уроженец Екатеринбурга А. К. Денисов-Уральский. См.: Будрина Л. А. «...Более, чем художник...»: к 150-летию со дня рождения Алексея Козьмича Денисова-Уральского. Научный каталог выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Екатеринбург, 2014; Устав общества для содействия развитию и улучшению кустарного гранильного и шлифовального промысла под названием «Русские самоцветы»: [Утв. 15 авг. 1912 г.]. [Санкт-Петербург, 1912].
² См.: Павловский Б. В. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. С. 118.
³ См.: Шакинко И. М., Семенов В. Б. Завод «Русские самоцветы». Свердловск, 1976.

завода к празднованию его 250-летия в 1976 г. и переизданная в 1982 г. с несущественными дополнениями.⁴ В этой написанной двумя десятилетиями позднее книги Б. В. Павловского работе, опирающейся в том числе на архивные материалы, уделяется существенно большее внимание первым годам советской власти и деятельности ЕГФ в это время. Однако нельзя не отметить определенный перекокс внимания авторов в главе «По заказу народа» в сторону положения служащих фабрики, проблем во взаимоотношениях коллектива с руководством и тому подобных вопросов. Описание же конкретных художественных проектов или какой-либо камнерезной деятельности оказалось практически заслонено характерными для исследователей советского времени вопросами коллективизации, пролетарского движения и успехов в этой области. В связи с этим информация о первых послереволюционных проектах практически отсутствует, а переход ЕГФ в ведение государственного треста «Русские самоцветы» оказался размыт в большом количестве событий «партийного» характера, актуальных для авторов исследования 1970-х гг., но несущественных в контексте развития камнерезного искусства.

Исследование деятельности ЕГФ в первой половине 1920-х гг. существенно затрудняется и крайне небольшим количеством произведений этого времени, представленных в музейных собраниях. Те немногие образцы, которые приписываются фабрике, вызывают сомнения в правильности их атрибуции или датировки. Во многом это положение можно объяснить довольно быстрой переориентацией деятельности ЕГФ на огранку самоцветов для внешнего рынка, что зафиксировано как в периодических изданиях, так и в работе Н. А. Дюкалова 1932 г.⁵ Вниманием исключительно к гранильному делу Урала в первые годы советской власти характеризуются и работы Г. Б. Зайцева⁶ и А. В. Дмитриева.⁷

На основании приведенного обзора довольно скупой информации, имеющейся на настоящий момент, становится очевидной существенная лакуна в восприятии развития камнерезного

искусства Урала и истории деятельности одного из ведущих художественных предприятий региона в первой половине 1920-х гг. Выявленные в Государственном архиве Свердловской области документы вкупе с редкими журнальными публикациями рассматриваемого периода позволяют существенно уточнить сведения о первых послереволюционных годах деятельности ЕГФ, ее состоянии на момент перехода в ведение государственного треста «Русские самоцветы», а также сохранившихся направлениях производства.

До «Русских самоцветов»

Опуская подробности событий непосредственно революционных лет, довольно подробно описанных в работе И. М. Шакинко и В. Б. Семенова,⁸ отметим лишь основные моменты, прежде чем обратиться к периоду 1920–1923 гг. Так известно, решение о национализации ЕГФ было принято Управлением горными заводами Урала уже в декабре 1917 г., а непосредственно национализация состоялась в начале января 1918 г.⁹ Недолгий период работы фабрики после национализации был прерван Гражданской войной и решением Временного правительства о ее закрытии и остановке в марте 1919 г.¹⁰ Восстановление производства началось в январе 1920 г. С этого времени ЕГФ, как и многие предприятия региона, связанные с добычей и обработкой драгоценных, полудрагоценных и цветных камней и металлов, находилась в ведомстве Уральского управления золоторудной промышленности.

Обращение к архиву Управления представило свидетельства продолжающейся — наряду с огранкой самоцветов и подготовкой так называемых «технических камней»¹¹ — непосредственно камнерезной работы. Так, ниже приведены архивные сведения о производственной программе с октября 1922 г. по декабрь 1923 г. (с сохранением орфографии документа).¹²

В этом же документе приводятся сведения о фактическом и предполагаемом численном

⁴ См.: Семенов В. Б., Шакинко И. М. Уральские самоцветы. Свердловск, 1982.

⁵ См.: Дюкалов Н. А. Мировая торговля драгоценными и полудрагоценными камнями. М.; Л., 1932. С. 128.

⁶ См.: Зайцев Г. Б. Ювелирное искусство дореволюционного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2001. С. 102–110.

⁷ См.: Дмитриев А. В. Узорочье «хрустальных погребов». Очерк истории камнесамоцветной промышленности Урала. Екатеринбург, 2008. С. 89–106.

⁸ См.: Шакинко И. М., Семенов В. Б. Указ. соч. С. 131–138.

⁹ См.: ГАСО. Ф. 185-р. Оп. 1. Д. 6. Л. 264, 289.

¹⁰ См.: Там же. Д. 28. Л. 1–13.

¹¹ Под «техническими камнями» в данном случае подразумеваются выпускаемые фабрикой детали, требуемые для различных производств, изготавливаемые из твердых пород камня: яшмовые подпятники, порфиновые подшипники. Отметим, что в это же время фабрика занимается резкой и полировкой автомобильных стекол. См.: ГАСО. Ф. 34-р. Оп. 1. Д. 76. Л. 710б.

¹² См.: Там же. Л. 71.

Таблица

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ЕГФ С ОКТЯБРЯ 1922 Г. ПО ДЕКАБРЬ 1923 Г.

	Наименование работ	Месячное производство	Готовое производство
1	Мундштуков граненых из твердого камня	140–150 шт.	1 750 шт.
2	Мундштуков художественной работы	25 шт.	300 шт.
3	Дамские яшмовые брошки	300 шт.	3 600 шт.
4	Завести брошки в металлическую оправу	300 шт.	3 600 шт.
5	Огранка изумрудов	125–145 карат	1 500–1 750 карат
6	Огранка тяжеловесов	50–60 карат	600–750 карат
7	Огранка других самоцветов	250 карат	3 000 карат
	Предполагается на усмотрение Коллегии Золоторудного Управления приступить к окончанию вазы из калканской яшмы (одной из красивейших по рисунку)		1 шт.

составе рабочих ЕГФ на 1922–1923 гг.: помимо технических служащих, работали всего 12 «яшмоделов» и 5 гранильщиков при заявленной необходимости большего количества мастеров.¹³ Недостаток рабочих в первой половине 1920-х гг. отмечается практически во всех публикациях.

Возвращаясь к приведенной производственной программе, отметим, что установить, о какой именно вазе в рассматриваемом документе идет речь, сегодня не представляется возможным. Однако в нашем контексте эта заметка представляется крайне важной, так как она свидетельствует об обращении ЕГФ к дореволюционным проектам и практике их завершения. Подтверждением этому служат опубликованные в журнале «Товарищ Терентий» сведения об окончании фабрикой в 1922 г. работы над тремя изделиями, начатыми, как указано в тексте статьи о ЕГФ, еще в конце XIX в. Здесь же указывается, что «в настоящее время эти вазы находятся в Москве».¹⁴ Современное местонахождение упоминаемых трех родонитовых vaz неизвестно, однако представление о двух из них дают фотографии, приведенные на страницах журнала.

«Ваза из орлеца римского стиля» представляет собой крупную, высотой чуть более одного метра, вазу классической овоидной формы с резным декором на горле, оплечье и нижней части объема вазы. Согласно приведенным в журнале данным, работы над вазой начались в 1885 г.¹⁵ Такая широкая датировка заставляет усомниться в ее правильности, о чем будет сказано ниже.

Большой интерес привлекает вид второй вазы, работа над которой также началась в до-

революционные годы. Предмет представляет собой массивную резную чашу на резной ножке, установленную на очевидно несоразмерное по пропорциям массивное основание, в свою очередь, размещенное на высоком строгом пьедестале. Очевидно, что в окончательном виде ваза представляет собой собранное из деталей от разных предметов произведение. Если обратить внимание только на верхнюю часть предмета — вазу (с фруктами?), то становится заметен интерес авторов проекта к стилистике раннего французского неоклассицизма, утраченный ввиду отмеченного «сборного» характера произведения. С одной стороны, этот вираж, как представляется, может служить еще одним ярким свидетельством поисков новых форм и обращения к различным стилистическим традициям, вызванных изменившейся в середине XIX столетия рыночной конъюнктурой.¹⁶ С другой — очевидно, что завершение работы над вазой в начале 1920-х гг. происходило в сложных материально-технических условиях и при недостатке квалифицированных кадров.

Третья ваза из упоминаемых в журнале «Товарищ Терентий» не была воспроизведена на страницах номера. Однако в недавно опубликованной статье Л. А. Будриной¹⁷ приводятся сведения, которые с большой степенью уверенности можно рассматривать как часть истории, связанной с завершением фабрикой трех начатых до революции родонитовых vaz.

¹⁶ См.: Будрина Л. А., Винокуров С. Е. Китайские мотивы в художественных промыслах Урала: чугунное литье и резной камень // Образ Поднебесной. Взгляд из Европы: материалы XXI Царскосельской научной конференции. СПб., 2015. С. 54–65.

¹⁷ См.: Будрина Л. А. Графическое наследие как инструмент атрибуции произведений Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики последней трети XIX — начала XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 237–252.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Товарищ Терентий. 1925. № 14. С. 17.

¹⁵ См.: Там же. С. 7.

В коллекции проектных эскизов в собрании Свердловского областного краеведческого музея (далее — СОКМ) исследователем среди прочих листов был выявлен крупный эскиз родонитовой вазы (см. цв. вклейку, рис. 1). Графический лист содержит следующую рукописную надпись чернилами: «Управляющий Кабинетом приказал изготовить на Екатеринбургской гранфабрике. 14 июня 1914 г.». Ниже карандашом: «Из орлеца, глыбы 2 850 п. 2 вазы...» Кроме того, Л. А. Будриной относительно этого листа в архиве СОКМ были обнаружены также сведения о том, что исполненные предметы находятся в Москве, возможно — в Золоторуде,¹⁸ что совпадает с информацией из журнала «Товарищ Терентий» о трех родонитовых вазах.

Как удалось установить, эскиз вазы поступил в собрание СОКМ в 1927 г. от Гавриила Васильевича Шалимова — бывшего сотрудника фабрики, действительного члена Уральского общества любителей естествознания.¹⁹ В предреволюционные годы Г. В. Шалимов заведовал хозяйственной частью ЕГФ, а после революции занимал должность табельщика. В книге И. М. Шакинко и В. Б. Семенова он (с ошибочно указанным именем Григорий) упоминается и как активный участник процесса национализации фабрики в 1918 г.²⁰ Все в том же номере журнала «Товарищ Терентий» приводятся еще более ценные в контексте рассматриваемого графического листа из собрания СОКМ сведения: «До революции на фабрике находился архив. Во время колчаковщины занявшие Свердловск чехословаки очистили помещение архива, распорядившись выбросить оттуда все, что там находилось; и только благодаря стараниям Г. В. Шалимова архив удалось сохранить и вывезти в музей УОЛЕ».²¹

На основании вышесказанного представляется, что упомянутый в журнале 1885 г. как дата начала работы над вазами не является таковой. Эта ошибка могла произойти в связи с упоминаемой здесь же находкой и распиловкой в 1880-е гг. огромной монолитной глыбы весом в 2 850 пудов.²² Вероятно, автор статьи о ЕГФ или его информатор связал между собой два этих события. Обнаруженный в фондах СОКМ эскиз вазы сообщает более реалистич-

ную дату начала производства произведений, а именно 1914 г. и позднее.

Говоря о послереволюционной деятельности ЕГФ, нельзя не упомянуть о двух произведениях из собрания Государственного исторического музея (далее — ГИМ), происходящих из фонда личных вещей и подарков Музея В. И. Ленина (работал до 1993 г.). Среди большого количества предметов выделяются блокнот с надписью «В. И. Ульянову-Ленину» (инв. № ФМЛ ЛВ-422) и макет книги «Конституция РСФСР» (инв. № ФМЛ ЛВ-423). Согласно легенде, приводимой в одном из изданий ГИМ, эти предметы являлись подарками В. И. Ленину от рабочих Урала. С учетом отсутствия сохранившихся документов о подобных заказах на фабрику в начале 1920-х гг. специалисты музея с осторожностью атрибутируют произведения ЕГФ.²³ Это обстоятельство подтверждается еще и тем, что, согласно документам Уральского золоторудного управления, в рассматриваемое время для ЕГФ была не характерна работа с некоторыми из материалов, включенных в состав предметов из собрания ГИМ (например, обсидианом). Вероятно, здесь может идти речь исключительно об отдельных деталях, подготовленных на ЕГФ и использовавшихся в работе иными предприятиями — устоявшейся с конца XIX — начала XX в. практике взаимодействия фабрики с другими производствами.

В составе треста «Русские самоцветы»

Начало 1920-х гг. в деятельности ЕГФ отличалось большим количеством проблем, связанных с нехваткой кадров, а также подчиненностью непрофильному управлению и т. п. В 1923 г. было принято решение о передаче фабрики в состав государственного треста «Русские самоцветы», созданного годом ранее.²⁴ Включение екатеринбургского цеха Коллегиального управления гранильным производством Урала (включавшего помимо ЕГФ еще ряд предприятий по добыче камня) в состав треста, созданного изначально на базе Петергофской и Колыванской гранильных фабрик, оказалось логичным продолжением процесса объединения бывших императорских фабрик. С 30 августа 1923 г. фабрика обрела статус Екатеринбургского отделения треста «Русские самоцветы», а в 1924 г. получила название Свердловская гранильная фабрика (СГФ).

¹⁸ См.: Там же. С. 245.

¹⁹ См.: Там же. С. 241, 245.

²⁰ См.: Шакинко И. М., Семёнов В. Б. Указ. соч. С. 137.

²¹ Товарищ Терентий. 1925. № 14. С. 19.

²² См.: Там же. С. 17.

²³ См.: И камни говорят... Собрание Государственного Исторического музея. М., 2005. С. 129, 130.

²⁴ См.: ГАСО. Ф. 185-р. Оп. 1. Д. 58. Л. 235.

В архивном фонде Уральского управления золоторудной промышленности, представленном в ГАСО, сохранились документы, свидетельствующие о процессе передачи предприятий уральской самоцветной промышленности тресту. В общем объеме материалов особенный интерес представляют протоколы о передаче ЕГФ недвижимого и движимого имущества и магазина фабрики тресту «Русские самоцветы». Согласно этим документам, процесс передачи, заключавшийся в тщательной инвентаризации, начался 25 августа и продлился до 4 сентября 1923 г.

Протоколы и описи представляют важные сведения о материально-техническом состоянии ЕГФ на тот момент. Вопреки упоминаемому в книге И. М. Шакинко и В. Б. Семеновым «небогатому наследству», описи № 1–4 демонстрируют иную картину.²⁵ Так, недвижимое имущество и оборудование ЕГФ содержит 157 позиций, включающих земельные участки, фабричные здания основного и подсобного назначения, устройства (приводы, станки, валы и т. п.).²⁶ Опись № 2 движимого имущества содержит 87 позиций производственного, хозяйственного и бытового назначения.²⁷ Опись № 3 включает 279 пунктов, описывающих вспомогательные материалы и инструменты, используемые в производстве.²⁸

Наибольший интерес представляют описи, включающие перечисление сырья и готовых изделий ЕГФ, передаваемых тресту «Русские самоцветы». В описи № 4 перечисляется оставшийся на фабрике каменный запас на сумму более 13 тысяч рублей. Этот список дает представление о тех материалах, с которыми работала ЕГФ в первой половине 1920-х гг. Безусловно, важную часть в этом списке составляют драгоценные камни и самоцветы в породе и сырье: изумруд, аквамарин, аметист, грант, турмалин, топаз, хризолит, кварцы разных видов. Однако нельзя не отметить, что большая часть списка представляет оставшиеся объемы цветного камня в сырье и препарированном виде: яшмы, родонит, малахит, серпентин, селенит, мраморы.²⁹

Отдельная опись (опись № 5) представляет собой список из более 140 позиций готовых изделий и полуфабрикатов с указанием ко-

личества экземпляров или веса, оставшихся на фабрике на момент ее передачи тресту.³⁰ Помимо информации о количестве и весе ограненных драгоценных камней и самоцветов, а также бусин и иных деталей для ювелирных изделий, обращают на себя внимание пункты списка, свидетельствующие об ассортименте камнерезного цеха как начала 1920-х гг., так и предшествующего периода (до Первой мировой войны). Судя по упоминаемым типам изделий, экземпляры изделий начала XX в. частично сохранились на складе ЕГФ.

Так, в списке встречаются следующие позиции (названия приводятся с сохранением орфографии): фикус из нефрита, пепельница из тагильского мрамора, шкатулка малахитовая, нефритовые листки, авантюриновые и топазовые печати, птица из калканской яшмы, птичка из орской яшмы, медвежонок калканской яшмы, подчасник малахитовый, части для сени из змеевика, части для сени из орлеца, листки офитовые, письменный прибор из орлеца, рамка яшмовая, ручка для зонтика, бюсты Маркса и Державина, ониксовый канделябр, орлецовый стакан, селенитовые чернильницы, сфинкс из белого мрамора, попугай из змеевика и т. д.

Тщательный анализ данного списка, в том числе его сопоставление с деятельностью ЕГФ конца XIX — начала XX в., сообщает массу сведений не только об актуальном времени его составления, но и о состоянии камнерезного производства. Важно, что он также может послужить предметом дальнейшего исследования, в частности в области изучения масштабных проектов, а также практики сотрудничества фабрики со столичными ювелирными предприятиями, внимание к которым, например, проявляется в последних публикациях о камнерезном направлении в деятельности фирмы Карла Фаберже.³¹

Как отмечают исследователи, в 1923 г. на фоне обновлений на фабрику постепенно начали возвращаться ее бывшие сотрудники. Одним из них был камнерез Николай Дмитриевич Татауров (1877–1959), после революционных событий несколько лет работавший в Екатеринбургских мастерских Пермской железной дороги.³² В уже упоминавшемся

²⁵ См.: Там же. Ф. 34-р. Оп. 1. Д. 116. Л. 59–71.

²⁶ См.: Там же. Л. 59–62об.

²⁷ См.: Там же. Л. 63–64об.

²⁸ См.: Там же. Л. 65–69.

²⁹ См.: Там же. Л. 71об.

³⁰ См.: Там же. Л. 72–74об.

³¹ См.: Fabergé: The Twilight Years. Drawings and Objects from the Archive of Chief Workmaster Henrik Wigström. London, 2023.

³² См.: Парнюк Т. В. Своеобразие уральского камнерезного искусства в творчестве Н. Д. Татаурова // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1985. С. 134.

номере журнала «Товарищ Терентий» за 1925 г. представлен фотоснимок мастера с пояснительной подписью «Н. Д. Татауров, работающий на фабрике свыше 20-ти лет, полирует браслет из колыванского кварца»³³. Отметим, что, будучи участником многих масштабных дореволюционных проектов ЕГФ, Н. Д. Татауров сыграл важную роль в камнерезном искусстве и организации профессионального образования камнерезов Урала советского времени, в особенности 1940–1950-х гг.

К сожалению, на настоящий момент практически невозможно представить конкретные примеры работ гранильной фабрики после ее включения в состав треста «Русские самоцветы». Это справедливо в целом по отношению к произведениям уральских камнерезов 1920-х гг. Исключением являются единичные образцы артельных произведений второй половины десятилетия.

Единственное на сегодняшний день известное произведение ЕГФ/СГФ, зафиксированное в источниках, представляет собой посмертный подарок В. И. Ленину. Знамя «Ленину — Горняки Урала» было создано по постановлению первого Областного съезда горнорабочих. Над произведением из блока сургучной яшмы весом почти 100 кг с окантовкой из гагата под руководством профессора К. К. Матвеева и старшего мастера фабрики А. В. Щекина работали несколько мастеров фабрики, в том числе брат Н. Д. Татаурова — Георгий, А. И. Татауров, А. С. Платонов, В. А. Семенов, А. З. Шубин. В статье Т. В. Парнюк ошибочно приводятся сведения о работе Н. Д. Татаурова над знаменем,³⁴ однако он не упоминается в списке мастеров, указанном в публикации о готовности произведения,³⁵ не подтверждаются эти сведения и в работе Шакинко-Семенова.³⁶

В майском номере журнала «Товарищ Терентий» за 1924 г. указано, что знамя предполагалось в качестве украшения памятника В. И. Ленину в Москве.³⁷ Уже в следующем году

произведение вновь было размещено на первой полосе журнала с пометкой «Находится в Москве в мавзолее В. И. Ленина».³⁸ Актуальное местонахождение знамени на момент написания статьи выяснить не удалось.

Выходя за хронологические границы настоящей статьи, отметим, что работа и развитие СГФ во второй половине 1920-х гг. в качестве отделения треста «Русские самоцветы» являются наиболее проблемной зоной в изучении камнерезного искусства Урала 1920-х–1930-х гг. Обрывочные архивные сведения и отсутствие каких-либо произведений этого времени в музейных собраниях серьезно затрудняют исследование деятельности предприятия, необходимое для понимания как целостности истории самого предприятия, так и характера развития камнерезного искусства Урала в это время.

Подводя итог, представляется важным еще раз отметить важное значение процессов первой половины 1920-х гг. в деле сохранения и развития камнерезного и гранильного дела на Урале. Как показал опыт обращения почти исключительно к архивным и печатным материалам этого времени, бытующее в существующих немногочисленных публикациях мнение о прерывании в первой половине 1920-х гг. камнерезной деятельности ЕГФ является не совсем точным. При детальном рассмотрении работа фабрики может быть представлена не только документальными свидетельствами продолжающейся работы камнерезного цеха, но и конкретными произведениями, актуальное местонахождение которых еще предстоит выяснить. Кроме того, нельзя не отметить важное значение включения ЕГФ в состав государственного треста «Русские самоцветы». Это решение, как представляется, сыграло решающую роль в сохранении одного из важнейших художественных производств региона и его вековых традиций вплоть до распада советского государства.

Sergey Ye. Vinokurov

Candidate of Art Criticism, Ural Federal University, Ekaterinburg Museum of Fine Arts (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: serg.vinokuroff@gmail.com

³³ См.: Товарищ Терентий. 1925. № 14. С. 18.

³⁴ См.: Парнюк Т. В. Указ. соч. С. 134.

³⁵ См.: Товарищ Терентий. 1924. № 19. С. 1.

³⁶ См.: Шакинко И. М., Семёнов В. Б. Указ. соч. С. 165, 166.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Товарищ Терентий. 1925. № 14. С. 1.

EKATERINBURG LAPIDARY FACTORY'S ACTIVITIES IN THE FIRST HALF OF THE 1920s

The article considers the stone-cutting art of the region in the first post-revolutionary years by the example of the activities of the Ekaterinburg lapidary factory. Recurring since the 1950s, from publication to publication, the idea of interrupting the activities of this pre-revolutionary Russia's key production in the first decade of Soviet power, or its reorientation exclusively to gem cutting, when studied in detail, demonstrates a different picture of the factory's life during the period under review. Drawing upon archival documents and a few publications in the media, allows restoring a more complete picture of the stone-cutting activity of the enterprise in the first half of the 1920s. The article provides documentary information both on the activities of the factory and rare artworks created at that time. Based on the revealed archival data, including inventories and protocols, it clarifies the state of production at the time of its transfer to the state trust "Russkiye Samotscvety". This change in the subordination of the Ekaterinburg Lapidary factory is regarded as a key event that allowed the factory itself to be preserved, as well as to avoid interrupting the tradition of artistic cutting of colored stone in the Urals.

Keywords: *stone-cutting art, Ekaterinburg Lapidary Factory, trust "Russkiye Samotscvety", N. D. Tataurov, G. V. Shalimov*

REFERENCES

- Budrina L. A. [Graphic Heritage as a Tool for the Attribution and Style Analysis of Works of the Imperial Ekaterinburg Lapidary Factory of the Last Third of the 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2023, vol. 25, no. 2, pp. 237–252. DOI: 10.15826/izv2.2023.25.2.035 (in Russ.).
- Budrina L. A. "...Boleye, chem khudozhnik...": *k 150-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseye Koz'micha Denisova-Ural'skogo. Nauchnyy katalog vystavki v Ekaterinburgskom muzeye izobrazitel'nykh iskusstv* ["...More than an Artist...": To the 150th Anniversary of the Birth of Alexei Kozmich Denisov-Uralsky. Scientific Catalog of the Exhibition at the Ekaterinburg Museum of Fine Arts]. Ekaterinburg: EMII Publ., 2014. (in Russ.).
- Budrina L. A., Vinokurov S. E. [Chinese Motifs in the Artistic Crafts of the Urals: Iron Casting and Carved Stone]. *Obraz Podnebesnoy. Vzglyad iz Evropy: Materialy XXI Tsarskosel'skoy nauch. konf.* [Image of the Celestial Empire. A View from Europe: Materials of the 21st Tsarskoye Selo Sci. Conf.]. Saint Petersburg: Serebryanny vek Publ., 2015, pp. 54–65. (in Russ.).
- Dmitriev A. V. *Uzoroch'ye "khrustal'nykh pogrebov". Ocherk istorii kamnesamotsvetnoy promyshlennosti Urala* [The "Crystal Cellars" Patterns. Essay on the History of the Gemstone Industry of the Urals]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2008. (in Russ.).
- Dyukalov N. A. *Mirovaya trgovlya dragotsennymi i poludragotsennymi kamnyami* [World Trade in Precious and Semi-Precious Stones]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye nauchno-tekhnicheskoye gornoye izd-vo Publ., 1932. (in Russ.).
- Fabergé: *The Twilight Years. Drawings and Objects from the Archive of Chief Workmaster Henrik Wigström*. London: Unicorn, 2023. (in English).
- I kamni govoryat... Sobraniye Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya* [And the Stones Speak... Collection of the State Historical Museum]. Moscow: GIM Publ., 2005. (in Russ.).
- Parnyuk T. V. [The Originality of the Ural Stone-Cutting Art in the Work of N. D. Tataurov]. *Iz istorii khudozhestvennoy kul'tury Urala* [From the History of Artistic Culture of the Urals]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1985, pp. 130–138. (in Russ.).
- Pavlovsky B. V. *Kamnereznoye iskusstvo Urala* [Stone-Cutting Art of the Urals]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1953. (in Russ.).
- Semenov V. B., Shakinko I. M. *Ural'skiye samotsvety* [Ural Gems]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izd-vo Publ., 1982. (in Russ.).
- Shakinko I. M., Semenov V. B. *Zavod "Russkiye samotsvety"* [The "Russian Gems" Factory]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izd-vo Publ., 1976. (in Russ.).
- Zaitsev G. B. *Yuvelirnoye iskusstvo dorevol'yutsionnogo Ekaterinburga* [Jewelry Art of Pre-Revolutionary Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2001. (in Russ.).

Для цитирования: Винокуров С. Е. Деятельность Екатеринбургской гранильной фабрики в первой половине 1920-х гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 157–163. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-157-163.

For citation: Vinokurov S. Ye. Ekaterinburg Lapidary Factory's Activities in the First Half of the 1920s // Ural Historical Journal, 2023, no. 4 (81), pp. 157–163. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-157-163.

Рис. 1. Эскизный проект вазы из орлеца для Екатеринбургской гранитной фабрики.
Бумага, карандаш, акварель, тушь. 1914 г.
Свердловский областной краеведческий музей. Фото Л. А. Будриной